

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.56.18>

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Научная статья

Зяблова О.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-4578-3278;

¹ Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (oaziablova[at]mail.ru)

Аннотация

В статье исследованы вопросы применения инструментов цифровой дипломатии в сфере международной политики. Выявлены особенности и специфические характеристики цифровой дипломатии как особого вида дипломатического дискурса. Ключевым отличием цифровой дипломатии от традиционной является специфическое коммуникативное пространство, основными коммуникативными каналами которого являются социальные сети, электронные СМИ, персональные блоги. Использование этих ресурсов позволяет актерам влиять на коммуникативное событие вне зависимости от расстояния и места нахождения, формировать у различных социальных групп глобального диалога общественное мнение. Новым возможностям, которые открывает цифровая дипломатия для обеспечения внешнеполитической деятельности, противостоят также и новые риски.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, особенности дискурса, коммуникативное событие, социальные сети, дискурсивная практика.

SPECIFIC CHARACTERISTICS OF DIGITAL DIPLOMACY DISCOURSE

Research article

Ziablova O.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0001-4578-3278;

¹ The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (oaziablova[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the application of digital diplomacy tools in the sphere of international politics. The paper identifies the features and specific characteristics of digital diplomacy as a special type of diplomatic discourse. The key difference between digital diplomacy and traditional diplomacy is the specific communicative space, the main communicative channels of which are social networks, electronic media, and personal blogs. The use of these resources allows actors to influence the communicative event regardless of distance and location, to shape public opinion in various social groups of the global dialogue. The new opportunities offered by digital diplomacy to ensure foreign policy activities are also confronted with new risks.

Keywords: digital diplomacy, discourse features, communicative event, social media, discursive practice.

Введение

В условиях формирования современного полицентричного мира устанавливаются новые правила политической игры, нацеленные на внешнеполитическое влияние и лидерство национальных государств, правительств, а также отдельных акторов. Увеличивающиеся объёмы информационных потоков требуют задействованности цифрового онлайн-пространства, позволяющего быстро в режиме реального времени собирать, обрабатывать, распространять информацию, а также выгодно «впускать» её в глобальную сеть аудитории.

Расширение сферы применения цифровых технологий не обошло стороной традиционно консервативную сферу – международные отношения. Скорость, с которой во внешней политике закрепилось новое явление, получившее название «цифровая дипломатия» свидетельствует о необходимости включения «компетентной» дипломатической среды в глобальный контекст коммуникации и речевого взаимодействия, разработки и применения прорывных инструментов коммуникации – интенсивности, вовлеченности и воздейственности, что, несомненно, находит отражение на языковом уровне: формирует вербальную составляющую и невербальные компоненты (например, видеоряд), влияющие на процесс «отсылки» и восприятия закодированного послания, создает условия для порождения новых жанров в дискурсивной практике дипломатии, дополняющих целевые установки и задачи традиционной дипломатии. Социальные сети наряду с блогами и подкастами уверенно закрепили позицию «прорывных медиа», которые, в противоположность традиционным СМИ, предоставляют пользователям самостоятельно творить публикации, в режиме реального времени вести диалог с заинтересованной аудиторией, общаться напрямую в неформальных условиях независимо от расстояния и места нахождения акторов.

Методы и принципы исследования

Цель цифровой дипломатии – продвижение информационных задач внешней политики с помощью различных коммуникативных практик в новом для этой предметной сферы контексте реальности.

Столь популярный сегодня термин «цифровая дипломатия» фокусирует внимание отечественных и зарубежных исследователей. По определению П. Доши, профессора Школы коммуникаций Американского университета (США), цифровая дипломатия – это новая область, в которой правительства напрямую взаимодействуют с общественностью за рубежом с помощью социальных сетей. В широком смысле к инструментам такой работы можно отнести любые доступные ресурсы сети Интернет, в том числе веб-сайты и блоги.

Одни исследователи сопоставляют «цифровую дипломатию» с применением Интернета и социальных сетей в дипломатических целях, другие – расширяют определение такими аспектами, как использование новых технологий, электронный документооборот, онлайн-консультирование и дистанционные услуги.

Н.А. Цветкова рассматривает цифровую дипломатию как «правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей», выделяя при этом методы реализации задач цифровой политики: критика политической жизни в другой стране, амплификация полярных мнений в вопросах политики и других сфер жизни общества, которая способствует усилению интенсивности обсуждения той или иной проблемы, привлечению к ней большего внимания, а также взаимодействие с представителями разных политических партий другой страны [1].

Ф. Хансон определяет цифровую дипломатию как «использование всемирной паутины и новых ИКТ для содействия в реализации внешнеполитических целей» [2].

И.В. Сурма рассматривает этот вид дипломатии в качестве «широкого использования информационно-коммуникационных технологий, в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и подобных медийных площадок в глобальной Сети для содействия государственным органам при осуществлении функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешней политикой, включая механизмы влияния на зарубежную аудиторию» [3, С. 220].

Безусловно, интернет-платформы предоставляют прямой доступ к различным социальным группам внутри страны и за ее пределами, используя пакет экономических, дипломатических, политических и других мер в целях применения цифровой дипломатии как эффективного инструмента управления массами, определения ключевых персон влияния, формирования зарубежного и отечественного общественного мнения, распространения своих идей.

Таким образом, можно выделить несколько областей, где цифровая дипломатия уже прочно закрепилась как полезный инструмент внешнеполитической деятельности. Прежде всего, это публичная дипломатия: использование цифровой дипломатии для прямого общения с целевой аудиторией, иногда с целью привлечения авторитетных мнений и установления продуктивного диалога, а также использование механизмов влияния на аудиторию с целью реализации и сопровождения внешнеполитических решений. Крайне актуальны цифровые технологии и в области управления информацией: сбор и анализ огромного объема данных для политических прогнозов и стратегического планирования помогают осуществлять выработку и подготовку внешнеполитических решений.

Основные результаты

Впервые значимость дискурсивного воздействия в официальном цифровом пространстве была отмечена представителями американских политических кругов в сентябре 2001 года в Вашингтоне на конференции «ИнтернетДипломатия-2001», главной доминантой повестки дня которой стал вопрос о роли новейших информационных технологий в обеспечении лидерства США в сфере внешней политики [4, С. 133]. Порождённый в ходе конференции термин «цифровая дипломатия» использовался применительно лишь к публичной политике США, проводимой через цифровые каналы.

Вскоре цифровые технологии внедрили в свою деятельность также дипломатические ведомства ведущих мировых держав, привлекая тем самым внимание не только политической элиты, но и широкой аудитории – от экспертов-специалистов до активно включенных в политические процессы групп населения. Стремясь привлечь как можно более широкую аудиторию, дипломаты, прилагая профессиональные компетенции, соперничают в своих аккаунтах. Следует заметить, что количество официальных дипломатических аккаунтов в социальных сетях постоянно увеличивается.

Формирование нового геополитического устройства современного мира, требует публичной открытости дипломатической среды по отношению к обществу, выстраивания коммуникативного события в рамках систем культурных кодов, транслируемых адресату с целью формирования у него соответствующего восприятия и оценки события, создания в социальных сетях общедоступных интернет-страниц государственных учреждений, персонифицированных страниц членов правительства и послов. В цифровой дипломатии активно задействовано медийное пространство, что естественным образом отражается на характере коммуникации и вовлеченности в этот процесс различных социальных групп населения.

Очевидно, что дискурсивная практика цифровой дипломатии имеет явно выраженную социолингвистическую направленность, специфика которой проявляется на лингвокультурологическом, лингвоаксиологическом и лингвосомиотическом уровнях языка, особенно наглядно в ситуации, когда в государствах с различными общественно-политическими и экономическими системами функционирует единый национальный язык [5, С. 27]. Не случайно эта проблема в той или иной степени затрагивалась в связи с немецким языком в ГДР и ФРГ и русским языком конца 80-х – начала 90-х годов XX в. [6, С. 18].

Социолингвистические особенности дискурсивной практики цифровой дипломатии проявляются также в зависимости от изменения тех или иных компонентов коммуникативной ситуации: социальная роль говорящего-слушающего, эмоциональный фактор между говорящим и слушающим, тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская), цель, средство общения (стиль языка, параязыковые средства – мимика, жесты, позы и т.п.); способ общения (устный/ письменный, контактный/дистантный); место общения [7].

Приоритетное внимание необходимо уделить особенностям когнитивной семантики цифровой дипломатии – переходу лексических единиц из одной формы реализации в другую, обусловленных изменением профессиональной компетенции участников коммуникативного акта. Естественно, что такой угол зрения неизбежно предполагает обращение к некоторым положениям когнитивной лингвистики, «центральная задача которой состоит в описании и объяснении языковой способности и/или знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики

говорящего-слушающего» [8]. Одним из важнейших постулатов когнитивной семантики, а именно она представляет в связи с нашим исследованием особый интерес, является положение о том, что познающий субъект – носитель когниции – является активным началом, генерирующим значения выражений, а не берущим их готовыми [там же]. Действительно, человек описывает языковыми формами не столько объективно существующую ситуацию, сколько то, что и как он воспринял и понял. Именно отражение субъективного образа объективного мира и лежит в основе обозначения словом объекта, явления или события [9, С. 47], что неоспоримо существенно важно при выстраивании коммуникативного события в формате цифровой дипломатии.

Для восприятия транслируемой информации необходимы специальные познания, навыки и способности, которые в совокупности формируют адекватное и верное восприятие и понимание. Восприятие коммуникативного события фильтруется через систему знаков, установок и актуальности содержащейся в нем информации, преломляется через призму культурных кодов и индивидуальных особенностей человека, сложившуюся систему воззрений, верований, нравственных ценностей, предрассудков и стереотипов, что образует сложную систему, направленную на анализ и формирование соответствующей оценки коммуникативного события,

Дискурсивная практика цифровой дипломатии представляет собой процесс отбора, систематизации и интерпретации информации, направленный на конструирование политической действительности с помощью вербальных и невербальных средств. В таком понимании целесообразно было бы отметить, что дискурсивная практика цифровой дипломатии является одним из ключевых объектов анализа коммуникативного события, существующего в рамках взаимодействия разных профессиональных и социальных групп глобального диалога. В этом контексте, как правило, внимание исследователей сфокусировано на анализе текстовых массивов (в том числе устной речи) – по сути, на анализе языковой картины мира разных социальных групп глобального диалога, модели поведения, культурных смыслов, систем знаков и символов.

Важным аспектом дискурсивной практики цифровой дипломатии является интенсивность, открытость информационного потока в электронных сетях, который посредством совокупных языковых форм подачи информации (информативной заданностью – «информем» [10, С. 104]. Может изменять видение политической реальности у аудитории, повлиять на социальное и индивидуальное поведение человека. Информационные маркеры в дискурсе цифровой дипломатии являются первичными в подаче информации.

Поскольку цифровая дипломатия репрезентируется в первую очередь через сетевое коммуникативное пространство, основной единицей подачи информации является текстовый формат. Текст в данном случае рассматривается с позиций «социального конструктивизма, направления, в рамках которого предполагается, что текст – это результат практики в какой-либо области, т.е. общение и письмо, связанное с деятельностью представителей социальной группы» [11, С. 78]. Отличительной характеристикой текстов в дискурсивной практике цифровой дипломатии является их технологическая гипертекстуальность, особенностью которой является то, что основной текст создает систему связей между отдельными текстовыми пространствами с помощью встроенных в него гиперссылок Т. Нельсон [12, С. 65]. Подобная коммуникация расширяет информационные возможности, обеспечивает интерактивность на неограниченно удаленном расстоянии и квазисинхронность – порождение, передача и восприятие информации. В цифровой дипломатии существуют каналы с различной степенью синхронности. Например, официальные сайты внешнеполитических ведомств можно относить к асинхронным каналам коммуникации, когда порождение и восприятие сообщений происходят поступательно, а не параллельно. В социальных же сетях дипломатических миссий, коммуникативное событие может возникать и ретранслироваться одновременно с процессом происхождения события, в этом смысле работа социальных сетей предполагает незамедлительность восприятия. Очевидно, вышеупомянутое не отражает всех особенностей порождения речи в текстах цифровой дипломатии, однако позволяет понять и изучить принцип дипломатического цифрового дискурса, его влияния на формирование новой языковой реальности, выбор тематики, регламент технологий, ожидаемые результаты.

Заключение

Очевидно, что глобальная сеть цифровой дипломатии является мощным ресурсом, воздействующим на общественное мнение, в том числе в сфере международных отношений. В условиях формирования нового мирового порядка на смену информационной глобализации приходит фрагментация интернета. Цифровые технологии и интернет становятся ареной геополитических противоречий и борьбы за лидерство соотношения сил на мировой арене.

Цифровая дипломатия, которая включает в себя применение информационно-коммуникационных технологий с целью достижения внешнеполитических целей государства, становится ключевым инструментом межгосударственной конкуренции и конфликтов с вовлечением различных профессиональных и социальных групп глобального диалога. Очевидно, коммуникационные технологии и дискурсивная практика цифровой дипломатии влияют на формирование новой языковой реальности, приводят к возникновению новых рисков, так как возможности интернета используются не только для миротворческих целей, но и зачастую для распространения и пропаганды чуждой идеологии, фейковой внешнеполитической информации. В этой части целесообразно было бы проанализировать риски и преимущества дискурсивной практики цифровой дипломатии в сравнении с традиционной и то, как это отражается на языковом уровне.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н.А. Цветкова // Вестник РГГУ. — 2000. — №2.
2. Хансон Ф. Публичная дипломатия и управление информацией / Ф. Хансон. — 2022 — URL: <http://egov.by/themes/best-practices/osnovy-ediplomacy-chast-3> (дата обращения: 08.07.2024).
3. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике / И.В. Сурма // Государственное управление. Электронный вестник. — 2015. — №49. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-v-mirovoy-politike> (дата обращения: 08.07.2024).
4. Кашлев Ю.Б. Информация и PR в международных отношениях / Ю.Б. Кашлев, Э. Галумов. — Москва: Известия. — 2003. — 430 с.
5. Зяблова О.А. Социолингвистические и когнитивные особенности функционирования экономической лексики : дис. ...канд. : 10.02.19 : защищена 2002-05-17 : утв. 2002-09-25 / О.А. Зяблова. — Москва. — 2002. — 180 с.
6. Крючкова Т.Б. Общественно-политическая лексика и терминология: основные свойства и тенденции развития : дис. ...канд. : 10.02.19 : защищена 1991-07-16 : утв. 1991-11-28 / Т.Б. Крючкова. — Москва. — 1991. — 218 с.
7. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. — Москва: Наука. — 1989. — 186 с.
8. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац и др. — Москва: Филол. фак. МГУ. — 1996. — 245 с.
9. Зяблова О.А. Новое понимание языков для специальных целей и их роли в профессиональной деятельности: познание, опыт, дискурс / О.А. Зяблова. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс». — 2023. — 244 с.
10. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселева. — Ленинград: ЛГУ. — 1978. — 168 с.
11. Хуыз И.П. Академический дискурс как форма институциональной коммуникации: лингвокультурный аспект / И.П. Хуыз // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. — Орловский гос. инс-т искусств и культуры. — 2012. — 10.
12. Nelson T. N. Complex Information Processing: A File Structure for the Complex, the Changing, and the Indeterminate / T. N. Nelson // Publisher: Association for Computing Machinery (ACM). — 1965. — 65 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Tsvetkova N.A. Fenomen tsifrovoy diplomatii v mezhdunarodnyh otnoshenijah i metodologija ego izuchenija [The phenomenon of digital diplomacy in international relations and the methodology of its study] / N.A. Tsvetkova // Vestnik RGGU [Bulletin of the RGGU]. — 2000. — N 2. [in Russian]
2. Hanson F. Publichnaja diplomatija i upravlenie informatsiej [Public diplomacy and information management] / F. Hanson. — 2022 — URL: <http://egov.by/themes/best-practices/osnovy-ediplomacy-chast-3> (accessed: 08.07.2024). [in Russian]
3. Surma I.V. Cifrovaja diplomatija v mirovoj politike [Digital diplomacy in world politics] / I.V. Surma // Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik [Public administration. Electronic Bulletin]. — 2015. — No. 49. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-diplomatiya-v-mirovoy-politike> (accessed: 08.07.2024). [in Russian]
4. Kashlev Ju.B. Informatsija i PR v mezhdunarodnyh otnoshenijah [Information and PR in international relations] / Ju.B. Kashlev, E Galumov. — Moscow: News. — 2003. — 430 p. [in Russian]
5. Zjablova O.A. Sotsiolingvisticheskie i kognitivnye osobennosti funkcionirovanija ekonomicheskoj leksiki [Sociolinguistic and cognitive features of the functioning of economic vocabulary] : dis....of PhD in Social and Human Sciences : 10.02.19 : defense of the thesis 2002-05-17 : approved 2002-09-25 / O.A. Zjablova. — Moscow. — 2002. — 180 p. [in Russian]
6. Krjuchkova T.B. Obschestvenno-politicheskaja leksika i terminologija: osnovnye svojstva i tendentsii razvitija [Sociopolitical vocabulary and terminology: basic properties and development trends] : dis....of PhD in Social and Human Sciences : 10.02.19 : defense of the thesis 1991-07-16 : approved 1991-11-28 / T.B. Krjuchkova. — Moscow. — 1991. — 218 p. [in Russian]
7. Krysin L.P. Sotsiolingvisticheskie aspekty izuchenija sovremennogo russkogo jazyka [Sociolinguistic aspects of learning the modern Russian language] / L.P. Krysin. — Moscow: Science. — 1989. — 186 p. [in Russian]
8. Kubrjakova E.S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [A concise dictionary of cognitive terms] / E.S. Kubrjakova, V.Z. Dem'jankov, Ju.G. Pankrats et. al. — Moscow: Philol. fak. Moscow State University. — 1996. — 245 p. [in Russian]
9. Zjablova O.A. Novoe ponimanie jazykov dlja spetsial'nyh tselej i ih roli v professional'noj dejatel'nosti: poznanie, opyt, diskurs [A new understanding of languages for special purposes and their role in professional activity: cognition, experience, discourse] / O.A. Zjablova. — Moscow: Limited Liability Company "Rusains". — 2023. — 244 p. [in Russian]

10. Kiseleva L.A. Voprosy teorii rechevogo vozdejstvija [Questions of the theory of speech influence] / L.A. Kiseleva. — Leningrad: LGU. — 1978. — 168 p. [in Russian]
11. Hutyž I.P. Akademicheskij diskurs kak forma institutsional'noj kommunikatsii: lingvokul'turnyj aspekt [Academic discourse as a form of institutional communication: linguistic and cultural aspect] / I.P. Hutyž // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse [Genres and types of text in scientific and media discourse]. — Oryol State Institute of Arts and Culture. — 2012. — 10. [in Russian]
12. Nelson T. H. Complex Information Processing: A File Structure for the Complex, the Changing, and the Indeterminate / T. N. Nelson // Publisher: Association for Computing Machinery (ACM). — 1965. — 65 p.